
WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY
TOM XVIII (2021), №2
s. 7-19
doi: 10.36121/iisajew.18.2021.2.007

Игорь Андреевич Исаев
(Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
Москва)
ORCID 0000-0003-1183-082X

Закон в пространстве утопии: уход политического

Аннотация: Статья посвящена анализу одной из форм виртуального правового пространства, известного как утопическое пространство. История проблемы достаточно известна. Однако ее актуальность не всегда отмечается. Фигура законодателя имеет архетипическое значение в обществах Европы, сформировавшихся в конце XVIII века в результате революций. Особое значение она приобрела и в современных демократических государствах.

Ключевые слова: закон, право, легальность, легитимность, диктатура, демократия, революция, утопия, виртуальность, иерархия.

Prawo w przestrzeni utopii: odejście upolitycznienia

Streszczenie: Artykuł jest poświęcony analizie jednej z form wirtualnej przestrzeni prawnej, zwanej przestrzenią utopijną. Dzieje problemu są dobrze znane. Jednak nie zawsze zauważa się jego znaczenie. Postać prawodawcy ma archetypowe znaczenie w społeczeństwach Europy, które powstało pod koniec XVIII wieku w wyniku rewolucji. Nabrało zaś szczególnego znaczenia we współczesnych demokracjach.

Słowa kluczowe: prawo, legalność, prawowitość, dyktatura, demokracja, rewolucja, utopia, wirtualność, hierarchia

The legislator in the space of utopia: the departure of the political

Annotation: The article presents the author's interpretation of the "utopia" phenomenon. Utopia often determines the dictate of power and the authoritarianism of legal norms. One should not, however, expect a miracle from utopia: its political constructs are the very same instrument of domination and subordination, which stifles everything that attempts to transcend the limits strictly delineated by law as a function of power. It is not the legislator now who depends on the truth, but the truth itself is dependent on the law.

Keyword: jurisprudence, philosophy of law, space, state, law, legislator, utopia, reality, power, domination, subordination.

Утопия — виртуальный уход от реального порядка вещей. В системах политической мысли, где государство играет ключевую роль, тип фантазийного присутствует явно или латентно.

Как форма и стиль политического мышления утопия рождалась на закате магического восприятия мира политических реалий. Магия предполагала наличие открытого мира, где все еще имело место прямое взаимодействие человека и космоса. Утописты жестко и рационально очертили границы и пределы такого взаимодействия, например, при размещении утопических государств на острове или отдельных, часто вымышленных территориях.

Утопия всегда была склонна одеваться в фантастические одежды (поскольку сама она продукт воображения и нравственно-эстетических пристрастий ее авторов), а также целенаправленно выстраивать свои формы в соответствии с базовыми принципами возникновения и существования государственных и, с неизбежностью, — правовых институций. Глубинные, метафизические основания подобного мышления, от которых не свободны никакие политические и идеологические построения, придают утопии черты непреходящего явления и, соответственно, политического фактора.

Утопия — сознательное и рациональное творение. Литературные утопии — образцы для реальных правителей. Тот факт, что утопическое общество размещается в некоем далеком или неопределенном времени и пространстве, указывает только на неготовность утопии выступать в качестве конкретного рационального проекта. Приблизиться к мечте позволяет парадигматический характер модели, что дает ей надежду на возможность преобразования мира.

Утопические проекты не заботятся об общей концепции: описательность и конкретизация восполняют живую действительность, иллюзия показана в мельчайших деталях. Реалистические черты и детальные прогнозы в утопическом конструировании вносятся в проект отнюдь не с целью практической реализации (в ряде социалистических утопий изображалось общество «завтрашнего дня», в коммунистических — «другой день после революции»). Формировался правдоподобный образ, призванный опустить утопическое будущее на землю. Культ машин, обеспечивающих безопасность и комфорт утопийцев, еще более подчеркивает рационалистический характер утопических проектов.

Сам жанр утопии, несмотря на ошеломляющее изобилие деталей и нюансов, тем не менее содержал некоторые архетипические черты, стабильно сохранявшиеся на всем протяжении его развития. Любой мир основывается на неких присущих ему метафизических идеях. Утопические миры многообразны. Все же базовые компоненты повторяются во многих проектах: социальная справедливость, общая собственность, свобода, равенство, братство и пр.

Утопия стала секуляризованными небесами Средневековья, а эпоха Великих географических открытий и научная революция Нового времени придали утопическому мышлению новый импульс. Еще до XVII в. люди не знали границ в современном понимании. Магическое мироощущение предполагало открытый мир. Дисциплинарное общество требует наличия границ для более эффективного регулирования. Политическим инструментом выбирается географическая наука. Географические, ландшафтные условия существования утопических государств более других кажутся вполне оригинальными, хотя нередко копировались с реаль-

но существующих земных территорий. Рождавшиеся виртуальные пространства (например, Туле, Гиперборея) вырастали в границах, доступных мореплавателям, оказавшимся на грани трансформации пространства. Дж. Ди писал: «Надо всегда помнить, что живая изменчивость пространства искажает геометрические аксиомы. Сумма углов треугольника, равная сумме двух прямых, есть правило этики, а не свободной математики»¹.

Легендарные земли следует искать всюду и нигде. Они вбирают в себя дух магической и рациональной цивилизаций. «Первая почитает секрет и охраняет от аналитической агрессии, вторая, одержимая поиском „объективной истины“, раскрывает и пользуется в целях благородных либо каких иных»².

Виртуальные миры утопии получили реалистическое подтверждение своему существованию. Вторгаясь в действительность, утопия несла с собой новые надежды и риски.

Реформационные движения XVI в. выдвигали идею «тысячелетнего царства», повернув вектор поиска утопии от прошлого к будущему (пусть даже достаточно неопределенному). Утопия придала этим чаяниям картины «золотого века» наглядность. С реформистами утопию сближала ориентация на конечные политические цели.

В «Политической теологии» К. Шмитта есть одно замечание, весьма популярное в политологической литературе: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия. Не только по своему историческому развитию, ибо они были перенесены из теологии на учение о государстве...»³ Бог есть всевластный законодатель, а чрезвычайное положение приобретает для юриспруденции значение, аналогичное чуду для теологии.

Секуляризация поставила на первое место в иерархии политических ценностей государственный интерес. Законодатель занял главное место в системе властей, эта его роль оказалась вписанной в процессы виртуального государственного строительства, формой которого в XVI-XVII вв. и стала утопия («чудесное пробуждение дремлющего утопического воображения Запада наступило в первом десятилетии XVII в.»⁴).

Интеграция утопического проекта с наукой позволила сформировать гипотетический и интерпретационный подход к проблеме будущего. На начальном этапе такого взаимодействия утопия ментально ломает социальную действительность, готовит революцию. «Ментальное разрушение и созидание действительности служит переходом к реальному разрушению и созиданию. Это как бы интеллектуальная техника, которая очень близка начальному знанию, техника, позволяющая структурировать реальность»⁵. В XVIII в. ввиду краха со-

¹ J. Dee, *The mathematical praeface to the Elements of geometry of Euclid of Megara*, New York: Science History Publication, 1975, 94 p.

² Е. В. Головин, *Приближение к Снежной Королеве*, Москва: Арктогея-Центр, 2003, с. 256.

³ К. Шмитт, *Политическая теология // Политическая теология*, пер. с нем., заключит. статья и сост. А. Филиппова, Москва: Канон-пресс-LL, 2000, с. 57.

⁴ F. E. Manuel, F. P. Manuel, *Utopian thought in the Western world*, Cambridge; Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1979, p. 202.

⁵ R. Ruyer, *L'utopie et les utopies*, Paris: Presses universitaires de France, 1950, p. 14-21.

циальной действительности произошел взлет утопического творчества: «в головах мыслителей готовился такой же грозный и сильный переворот, как в мире политическом»⁶.

Юридическая техника, одно из проявлений интеллектуальной техники, заключалась в интерполяции воображаемых прав и обязанностей из соответствующих фактов, что, в свою очередь, тесно соединялось с магией. О присутствии магии в юридических вопросах К. Оливекрона высказывается так: «Мы не можем сказать: здесь кончается магия и начинается полностью рациональный образ мыслей. Современный образ мыслей в вопросах права далек от полностью рационального. Мы действительно используем понятия прав, обязанностей и т. д., не сознавая того факта, что эти представления воображаемые»⁷.

Настоящая утопия приходит с окончанием магического века и появлением жестких, непрозрачных границ. «Абстрактное пространство служит орудием господства, оно душит все, что в нем зарождается и стремится выйти за его пределы... Смертоносное пространство убивает собственные (исторические) предпосылки, собственные (внутренние) различия, вообще любые (возможные) различия во имя утверждения абстрактной гомогенности»⁸. Даже воспринятые утопическим сознанием элементы реальности (институты, символы, функции) помещаются в локализованное и абстрактное пространство, целиком рожденное воображением. Рациональное конструирование такого пространства подчинено собственной логике и эстетическим предпочтениям, и главным конструктором в утопическом государстве является законодатель. Императивные по преимуществу нормы детализируют процесс строительства и существования виртуально рождающегося мира. Стиль самой утопической конструкции инсценирован деятельностью такого законодателя, находящегося внутри утопического пространства, хотя язык и логика конструирования, несомненно, привносятся в утопию извне, из реального мира.

В центре утопии — всегда гениальный законодатель. Магия закона кажется способной изменить жизнь, создать из ничего нечто новое: закон в утопии — инструмент, он легко может менять направления и формы общественного бытия. В большинстве утопических текстов законодатель подвергал тщательной регламентации всю социальную и личную жизнь жителей утопии.

Законодатель утопического государства через трансцендентное или сакральное демонстративно отмежевывается от несовершенного правопорядка существующего земного мира. Политический миф, который он вынужден творить, неизбежно возвращает сознание к прошедшему или обращает его к грядущему «золотому веку». Умозрение превалирует над практикой. Хотя амбиции всемогущего законодателя наталкиваются на некоторые врожденные и неискоренимые свойства самого же утопического общества. И за этим кроется серьезная проблема. Закон в утопии основан не на высшем духовном принципе, а правомерен в силу своей формы. «Вот почему бесплодными были прекраснейшие законы, которые не развились сами собой из деятельности. Вот почему закон является действующим

⁶ А. И. Герцен, *Избранные философские произведения: в 2 т.* Москва-Ленинград: Госполитиздат, Печ. двор, 1948, т. 1: *Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. Из «Дневника» и др.*, с. 114.

⁷ К. Оливекрона, *Право как факт*, «Российский ежегодник теории права», № 1, 2008, с. 669–752.

⁸ А. Лефевр, *Производство пространства*, Москва: Strelka Press, 2015, с. 361.

только тогда, когда за ним есть мораль, которую он санкционирует, и определенный тип мышления, которое он выражает; когда активно живущее общество выражает в ритме своей жизни надежды, ожидания, энергию, нравственную мудрость, практические и технические умения, которыми оно владеет»⁹.

И нет ничего мрачнее безусловной двойственности юридических категорий в мире, где они более не отображают какое-либо этическое содержание: двойственность на самом деле лишена значения, подобно неисповедимому поведению хранителя закона в притче Ф. Кафки, «утрата смысла, преобразующая самый верный приговор в неясность»¹⁰. Смысл формирует сама машина власти. «В моменты глубокого кризиса власти медиократия всегда делает вид, что отделяется от режима, чьей составной частью она является, для того, чтобы управлять протестами и направлять их так, чтобы они не превратились в революцию»¹¹.

Симптом кризиса — попытка восстановить законность того, что утрачивается в самой законности через беспрецедентное изобилие норм. Так и конституированная власть может управлять переходом к новой конституции, не становясь при этом конституирующей властью¹².

Утопическая рациональность выливается в регламентацию отношений: законодатель стремится своими предписаниями отрегулировать все происходящее на ограниченном пространстве утопии; закон все больше и больше абстрагируется.

Тяготение утопии к системности содержит для нее смертельную угрозу. Трудносочетаемые элементы всегда готовы к взаимному отторжению. Очевидный факт: любой свод правил охвачен исключениями.

Правопорядок — одновременно и жизненная форма, и свод норм, лежащих в его основании. Население утопии всегда испытывает напряжение от локальных правил. «Действие права и обычаев внутри группы порождает у ее членов вызывающее аутогенный стресс перманентное раздражение и погружает коллектив в состояние символической вибрации, которую, скорее всего, можно сравнить с эндогенно стабилизированной температурой тела теплокровного живого существа»¹³. Общественные отношения упрощаются.

Наступает страсть правил — освобождение всех от закона. Закону противостоит не свобода, не линейное сцепление, а сетевое обратимое сцепление, захватывающее один знак за другим. «Только силой произвольных знаков устраняется террористическая ипотека смысла»¹⁴. Выбор поведения невозможен. Если толкование закона относит его «к строю постановлений или высказывания, к которым субъект безразличен», то у правила «нет субъекта, и модальность его выражения мала», значима лишь «умопомрачительность его соблюдения»¹⁵. В правиле, складывающемся из обычаев, традиций, ритуалов, привычек, обнаруживает-

⁹ М. Мосс, *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*, Москва: КДУ, 2011, с. 370.

¹⁰ Дж. Агамбен, *Средства без цели. Заметки о политике*, Москва: Гилея, 2015, с. 131.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 124–125.

¹³ П. Слотердайк, *Сферы: в 3 т.*, Санкт-Петербург: Наука, 2010, т. 3: *Плюральная сферология*, с. 481–483.

¹⁴ Ж. Бодрийяр, *Соблазн*, Москва: Ad Marginem, 2000, с. 239–240.

¹⁵ Там же, с. 231.

ся механика социального ритма и рутинизированное принуждение, риск полной механизации мира. «Закон основывает правовое равенство: все перед ним равны. Перед правилом, напротив, никакого равенства нет, поскольку правило не является правовой юрисдикцией и потому что для равенства необходима обособленность»¹⁶. Регламентация не довольствуется общими положениями закона, она требует подобных инструкций.

Кажется, век закона миновал, а за ним уходит и общественный договор. Наступает время нормы и модели поведения. «Минимум реальности и максимум симуляции — вот чем отныне мы будем довольствоваться в своей жизни. Симуляция порождает нейтрализацию полюсов, упорядочивавших перспективное пространство реальности и Закона, исчезновение потенциальной энергии, оживлявшей еще пространство Закона и социального»¹⁷.

Попытки практической реализации утопических проектов (государство иезуитов в Парагвае, СССР, КНР) независимо от их идеологической окраски основывались на определенных и сходные метафизических принципах. Вера, религиозная или научная, лежала в основе проектов, скорректированных мощной рациональной интенцией, вера в то, что предлагаемое утопистами общество будет справедливым и гуманным (в соответствии с представлениями, осовремененным данным проектам). Не только результаты экспериментов показали обратное. Одновременно появилось большое число антиутопий, демонстрирующих явно негативные выводы из утопической идеи.

Сущность утопии в отрицании порядка, не перестройки или усовершенствования, но полного его устранения. Этот эсхатологический мотив в любой его трактовке оказывается навеянным религиозной традицией, что проявляется даже в умеренно атеистических утопиях.

В. Йегер проанализировал связь платоновской идеи справедливости в качестве необходимого утопического постулата с реальностью, где зарождалась утопия. Первоначально убеждение «граждане подчиняются обязательному для всех праву» позволяло избежать межпартийной борьбы, тая в себе серьезную опасность. Вечный закон вдруг стал недостаточным, зависимым от тех, в чьих руках власть (личность или массы). Попытка привести неустойчивое многообразие законов к общему знаменателю дала формулу: действующее право есть мнение самой сильной в данный момент партии. Право исходило от власти, уже не от морального авторитета, выражалось в порядке — символ социального идеала, а на самом деле завеса, скрывающая борьбу различных интересов¹⁸.

Утопия не приводит к гармонии человека с обществом, маневрирует между коллективным принуждением и анархичным своеволием. «Ни одна из утопий на деле не указала до сих пор, каким узлом соединить личность с коллективом, чтобы этот узел был не давящей петлей, а паутиной нитью...»¹⁹ Группы рождают в себе самих некую нормативную архитектуру, которая так сверхличностна, величествен-

¹⁶ Там же, с. 237.

¹⁷ Там же, с. 268–269.

¹⁸ См.: В. Йегер, *Пайдейя. Воспитание античного грека: в 2 т.*, Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997, т. 2, 334 с.

¹⁹ А. Свентоховский, *История утопии*, Москва: Типография В. М. Саблина, 1910, с. 410.

на и прочна, чтобы восприниматься в качестве действительного закона, обязательной инструкции и реальности императивных правил (нравственный эфир, говоря словами Г. Гегеля). Платоновские подвыборы тогда представляются перенесенными на небо институтами²⁰.

Ж. Рансьер полагает, политика достаточно рано начинает порывать с утопическими идеями будущего и идеалами «другого места». Она испытывает ту же секуляризацию, что и другие виды деятельности, касающиеся производства индивидов и групп. На этом фоне центр политического скрывается из виду. Символы политического разделения уступают место чистому динамизму общества — социальному. Политическое искусство преобразуется в искусство подавления политического, а утопия — в интеллектуальную конструкцию, «способствующую совпадению места мысли с интуитивно воспринятым или воспринимаемым пространством»²¹.

Все идеологические конструкции несут в себе зерно утопичности. Особенно ясно проявляется в содержании политических деклараций и конституций. В конституции социалистического типа основные принципы были весьма заметно обусловлены общими евангельскими постулатами («Кто был ничем, тот станет всем»), революционные лозунги «Свобода!», «Равенство!», «Братство!» формировались одновременно с культом верховного существа, путь к коммунистическому обществу вел прямо в «райские кущи», идея прав человека и естественного права нормами уходит в Ветхий Завет. Иное дело — реализация постулатов: воплощение утопических обещаний в жизни не всегда благо. «Утопии плохо знали или забыли и слишком вздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления»²².

Усовершенствования в общественной организации возможны только при технической организации, и здесь машина получает решающий голос при строительстве социальных структур и связей: технологическое мышление не только не исключает утопизма в проектировании общества, но и кажется необходимым. А. Менгер писал: «Я считаю подобное изображение усовершенствованного состояния общества не только вполне научным, но прямо-таки необходимым, если социалистическое движение должно хоть отчасти достичь своей цели»²³.

Вполне возможно появление и утопии, которая перенесет цель своих стремлений от коллективного в индивидуальное, не будет интегрировать общественную волю, а будет дифференцировать волю каждого²⁴.

В конфликтности совместного существования политическое искусство создавало интервалы расходящихся сосуществующих интересов, тем самым пробуждая социальное, где частное и публичное гармонируется на расстоянии.

²⁰ П. Слотердайк, *Сферы: в 3 т.*, Санкт-Петербург: Наука, 2010, т. 3: *Плюральная сферология*, с. 474.

²¹ Ж. Рансьер, *На краю политического*, Москва: Праксис, 2006, с. 35.

²² Н. А. Бердяев, *Новое средневековье (Размышление о судьбе России и Европы)* // *Философия неравенства*, Москва: Институт русской цивилизации, 2012, с. 587.

²³ А. Менгер, *Право на полный продукт труда*, Москва: Е. Д. Мягкова «Колокол», 1905, с. 106.

²⁴ А. Свентоховский, *История утопии*, Москва: Типография В. М. Саблина, 1910, с. 425.

«Деполитизация — вот древнейшее занятие политического искусства, то, что добивается достижений, приближаясь к своему концу; достигает совершенства у края обрыва. Это политическое подавление политики — еще и средство для философии реализовать образ, наиболее близкий к политическому Благу, под сенью беспорядка эмпирической политики, демократического беспорядка»²⁵. Противопоставляя голую жизнь политическим конструкциям, утопия возвращается к доксистическому уровню сознания, тем самым трансформируя и саму виртуальность.

Итак, утопия — виртуальный уход от хаоса и неуравновешенности, что порождает обратную реакцию — обращение к более жесткому порядку и авторитарности. В этом заключается парадокс жанра: политические идеалы прошлого или воображаемого будущего жестко фиксируются, чтобы преодолеть отчуждение посредством фантазии. Стремление к чуду упорядоченности становится своего рода «деятельным сновидением»²⁶, воплощенным в социальную программу.

Символическая сила эффективна лишь как виртуальная сила, как обещание или угроза, применяется в полной мощи. На самом деле сила скрывается за пустотой господствующего, означающего как несостоятельность его содержания без означаемого. Отступления символического закона, управляющего нашим существованием, совпадает с переходом от символического закона к суперэго²⁷.

Закон ныне независим от истины. Истина зависима от закона. Закон не основывается на каком-то высшем принципе, наделяющем его властью. Он самообоснован, правомерен (в силу собственной формы), непостижим, неуловим, функционирует, не будучи известным (определяет область нарушений, в которых субъект виновен, переходит границы, даже не зная об этом).

Утопия же основное внимание обращала на преобразование хозяйственной жизни своего «острова». Политика занимала ее значительно меньше. Будучи авторитарной или коммунистической моделью (одно не исключает другого), она стремилась к преобразованию и усовершенствованию быта. При такой устремленности к эффективным результатам политическое отходит в тень. И совершенно очевидно, что в этой связи собственно правовые нормы реализуются в нормы технические и организационные. Соответственно и политическая революция рассматривается как производная от революции технологической.

Сегодня утопия не столько неизменная модель, сколько беспокоящая сознание идея о том, что порядок вполне может функционировать спонтанно и неопределенно. Государственно-правовая задача не в планировании утопии, а в ее проектировании. Парадокс нашего выживания: либо будущее утопично, либо его вообще нет²⁸.

Как первая форма политического виртуального, утопия несет в себе

²⁵ Ж. Рансьер, *На краю политического*, Москва: Праксис, 2006, с. 41.

²⁶ М. Ласки, *Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*, Москва: Прогресс, 1991, с. 174.

²⁷ С. Жижек, *Чума фантазий*, Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012, с. 271.

²⁸ С. Жижек, *Реальность виртуального // Видеолекция*. 2004. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aDIEKSAfQ4> (дата обращения: 10.10.2021).

синдром ухода политического в том виде, в каком оно существует и действует в земной реальности. Предлагаемые ею смыслообразы носят культурный, наукообразный, теологический и особенно технический характер. Утопия обнаруживает необходимую потребность людей в реальности виртуального, желает заглянуть за пределы культуры как таковой, в качестве критики только порождается критикуемыми новыми средствами выражения.

Утопия настойчиво требует своего воплощения, отчасти поэтому некоторые нравственные и правовые нормы были сформулированы в их утопическом виде, но критическое и рационализированное соотношение утопии к реальности лишает ее пафоса. «Сужение возможного, разрешаемого, усиление предписаний, интерпретируемых как запреты, означало жесткость их внешнего гнета, который заставляет перенести деятельность и творчество внутрь»²⁹.

Тотальное освобождение человека от дурной действительности — гимн утопии. И потому-то философия Просвещения предлагала замену милосердия правом в сфере политической жизни, веры — «естественным» разумом. Утопия — псевдорелигия: ее жанр удачен для языческого мировосприятия (Платон) и для атеистических идеологий. Революция принимает от утопии идею одномоментного преобразования мира, но на реальном политическом пространстве. Ж. Бодрийяр замечает: «В революционной теории есть также живое утопическое представление о том, что государство исчезнет, что политическое как таковое изживет себя в апофеозе и прозрачности социального»³⁰. Тем не менее политическое не возвысилось до социального, не исчезло, не позволило себя заменить. «Мы обитаем в трансполитическом, иначе говоря, на нулевой отметке политического, характерной также и для его воспроизведения и бесконечной симуляции. Ибо все, что не выходит за свои пределы, имеет право на бесконечное возвращение к жизни»³¹.

Революционный миф насковзь проникнут квазиреалистической верой, что не мешает ему взорвать правопорядок. «Небесная метафора перемен судьбы»³², бури, землетрясения, кругового возвращения к исходу обещала блистательную новизну и неизбывную справедливость.

Законодатель должен решительно действовать. Характерно, что авторитаризм утопии и политический террор революционеров происходили из единого источника — стремления создать новый мир, даже используя насилие.

Идея, реализация которой может произойти в далеком будущем, уже в настоящее время превращается в норму, применимую к преобразению реальности. Христианство, которое имеет свое собственное представление о лучшем мире, основанное на многовековой традиции, питая утопию своими идеями, само не воспринимает ее конструкций и предложений. «Когда Христос уверял, что „царство Божие“ находится не „здесь“ и не „там“, а внутри нас, он заранее осуждал утопические конструкции, для которых всякое „царство»

²⁹ П. А. Плютто, *Исследование реальности социокультурного виртуального. Опыт анализа социокультурных иллюзий*, Москва: Прогресс-Традиция, 2014, с. 259.

³⁰ Ж. Бодрийяр, *Прозрачность Зла*, Москва: Добросвет, 2000, с. 19.

³¹ Там же.

³² М. Ласки, *Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*, Москва: Прогресс, 1991, с. 189.

неизбежно является внешним и не имеет никакого отношения ни к нашему глубинному „я“, ни к нашему личному спасению»³³.

Если хилиастическое переживание находилось вне времени, то либеральное улавливало связь между бытием и утопией, рассчитывая на реализацию идеи в будущем. Рамки утопии, рожденные античными реминисценциями Ренессанса или научной революцией XVI в. (Ф. Бэкон), были отмечены смещением центра мировосприятия от трансцендентной инстанции к внутрличностным и внешним земным ориентирам и субстанциям.

С целью конструирования нового человеческого общества Ренессанс положил начало аналитическому наступлению на природу: энтропия патриархальной цивилизации разрывает исторические связи. Переход магии в естествознание, а человека — в антропоморфный механизм (человек-машина) закрепляет научные константы. Великая революция была неминуема³⁴.

Два противоположных жанра, каждый из которых обладал своими принципами и шаблонами — утопия и апокалипсис — смешиваются, образуя третий, отражающий новую разновидность реальности. Единственное назначение утопии — паразитность. Э. Сиоран рассуждает: «Когда у нас в кармане нет ни гроша, мы суетимся, сумасбродствуем, мечтаем всем обладать, и, пока длится у нас эта горячка, мы действительно обладаем этим всем, мы становимся равными Богу, но никто об этом не подозревает, ни Бог, ни даже наше „я“»³⁵. А потому утопия и есть «толпа безумцев, желающих иного мира на этом свете, и немедленно» (они вдохновляют утопии, для них пишут утопии)³⁶. Данте предупреждал, что главная опасность для единства, связности и согласованности политического тела исходит изнутри. Политическое тело, определяемое не идеальными началами (единство, целое, голова), а тем, что угрожает и растворяет политическое тело (движение хаотического потока и изменчивость), оказывается вместе с ужасом и политической теологией. В описании ада Данте вынуждал перевернуть политическое тело, давая нам вместо политической теологии политическую демонологию³⁷.

В утопии законодатель пытается сформировать виртуальное (абсолютное) пространство: вмести в себя фрагменты действительности и соединив их с фантастическими элементами, организует воображаемую реальность, способную хотя бы отчасти вернуться в реальный мир. Фантазии опасно деформируют правопорядок, порой не заботясь о его действительном будущем. Уход в виртуальность может оказаться деструктивным процессом. Утопия рождает некоего технического монстра. Речь идет, конечно же, о новом социальном устройстве. Сама идея оборачивается симулякром явлений и процессов (например, не счастье, свобода человека, а лишь идея счастья, свободы и пр.).

Технология из силы эволюции превращается в контексте утопии в настоящую душу эволюции, ей придается статус политики, судьбы личности.

³³ Э. Сиоран, *Искушение существованием*, Москва: Республика; Палимпсест, 2003, с. 323.

³⁴ Ж. Кондорсэ, *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*, Москва: Гос. Публич. ист. б-ка России, 2010, с. 184.

³⁵ Э. Сиоран, *Искушение существованием*, Москва: Республика; Палимпсест, 2003, с. 319.

³⁶ Там же, с. 319.

³⁷ Ю. Такер, *Ужас философии: в 3 т.*, Пермь: Гиле Пресс, 2019, т. 3: *Щупальца длиннее ночи*, с. 38.

Попытка утвердить на земле новый рай с помощью планетарного господства техники приведет к торжеству дьявольского. «Великие религии здесь не ошибались: Мара — Будде, Ариман — Зороастру и искуситель — Иисусу предлагали землю и владычество на земле, — то, что действительно подвластно Князю мира сего. И желать устройства нового царства, всеобщей утопии или всемирной империи означает играть ему на руку, соучаствовать в его затеях и доводить их до конца...»³⁸

Уходящая эра политического — эра аномии (кризиса, насилия, безумия, революции). Новая эра — эра трансполитического, эра аномалии (нарушения или скорее заблуждение относительно порядка вещей)³⁹. Возможный конец политической сцены.

И все же «жизнь без утопий становится непригодной для дыхания, по крайней мере для большинства: поскольку миру угрожает окаменение...»⁴⁰ Утопия, первая форма политического виртуального, исключительна и востребована в государственно-правовом пространстве.

Конец утопии лишит нас гуманистической природы, личность «утратит волю создавать историю и способность понимать ее»⁴¹. Спонтанные социальные надежды приводят к утопическим устремлениям, которые затем идеологией награждаются концептуальным (утопия и идеология неразлучны).

Утопическая идеализация генерируется в условиях тяжелой, бессмысленной экзистенции бытия, предлагая взамен созидательно или бессознательно желанную нам альтернативу. Устраняя из жизни все неразумное и непоправимое, несправедливое и неправое, утопия противостоит обреченности человечества. Это есть вершина и квинтэссенция истории.

REFERENCES

- Dzh. Agamben, *Sredstva bez tseli. Zametki o politike*, Moskva: Gileya, 2015, 147 s.
- N. A. Berdyayev, *Novoe srednevekovye (Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy)* [in:] *Filosofiya neravenstva*, Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii, 2012, 624 s.
- Ž. Bodriyyar, *Prozrachnost' Zla*, Moskva: Dobrosvet, 2000, 258 s.
- Ž. Bodriyyar, *Soblazn*, Moskva: Ad Marginem, 2000, 319 s.
- Ž. Bodriyyar, *Fatal'nye strategii*, Moskva: Ripol-klassik, 2017, 285 s.
- A. I. Gertsen, *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 2-kh t.*, Moskva-Leningrad: Gospolitizdat, Pech. dvor, 1948. T. 1: *Diletantizm v nauke. Pis'ma ob izuchenii prirody*. Iz «Dnevnik» i dr., 372 s.
- E. V. Golovin, *Priblizhenie k Snezhnoy Koroleve*, Moskva: Arktogetya-Tsentr 2003, 480 s.
- S. Žizhek, *Real'nost' virtual'nogo* [in:] *Videolektsiya*. 2004. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aDI1EKSAfQ4> (data obrashcheniya: 10.10.2021).
- V. Yegeer, *Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka: v 2-kh t.*, Moskva: Greko-latinsky kabinet Yu. A. Shichalina, 1997. T. 2, 334 s.
- Ž. Kondorsè, *Èskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma*, Moskva: Gos. publ. chnaya ist. b-ka Rossii, 2010, 230 s.
- M. Laski, *Utopiya i revolyutsiya* [in:] *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoy liter-*

³⁸ Э. Сиоран, *Искушение существованием*, Москва: Республика; Палимпсест, 2003, с. 322.

³⁹ Ж. Бодрийяр, *Фатальные стратегии*, Москва: Рипол-классик, 2017, с. 17.

⁴⁰ Э. Сиоран, *Искушение существованием*, Москва: Республика; Палимпсест, 2003, с. 278.

⁴¹ См.: К. Манхейм, *Идеология и утопия*, Москва: ИНИОН, 1992, 245 с.

atury, Moskva: Progress, 1991, 405 s.

A. Lefevr, *Proizvodstvo prostranstva*, Moskva: Strelka Press, 2015, 432 s.

K. Mankhey, *Ideologiya i utopiya*, Moskva: INION, 1992, 245 s.

A. Menger, *Pravo na polny produkt truda*, Moskva: E. D. Myagkova «Kolokol», 1905, 221 s

M. Moss, *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii*, Moskva: KDU, 2011, 416 s.

K. Olivekrona, *Pravo kak fakt*, «Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava» № 1, 2008, s. 669–752.

P. A. Plyutto, *Issledovanie real'nosti sotsiokul'turnogo virtual'nogo. Opyt analiza sotsiokul'turnykh illyuzy*, Moskva: Progress-Traditsiya, 2014, 367 s.

Ž. Ransyer, *Na krayu politicheskogo*, Moskva: Praxis, 2006, 240 s.

A. Sventokhovskiy, *Istoriya utopii*, Moskva: Tipografiya V. M. Sablina, 1910, 426 s.

P. Sloterdagk, *Sfery: v 3 t.*, Sankt-Peterburg: Nauka, 2010. T. 3: Plyural'naya sferologiya, 923 s.

È. Sioran, *Iskushenie sushchestvovaniem*, Moskva: Respublika; Palimpsest, 2003, 431 s.

Yu. Taker, *Uzhas filosofii: v 3 t.*, Perm': Gile Press, 2019. T. 3: *Shchupal'tsa dlinnee nochi*, 216 s.

K. Shmitt, *Politicheskaya teologiya* [in:] *Politicheskaya teologiya*, per. s nem., zaklyuchit. stat'ya i sost. A. Filippova, Moskva: Kanon-press-Ts, 2000, 336 s. J. Dee, *The mathematical praeface to the Elements of geometrie of Euclid of Megara*, New York: Science History Publication, 1975, 94 p.

F. E. Manuel, F. P. Manuel, *Utopian thought in the Western world*, Cambridge; Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1979, 906 p.

R. Ruyer, *L'utopie et les utopies*, Paris: Presses universitaires de France, 1950, 293 p.

ЛИТЕРАТУРА

Дж. Агамбен, *Средства без цели. Заметки о политике*, Москва: Гилея, 2015, 147 с.

Н. А. Бердяев, *Новое средневековье (Размышление о судьбе России и Европы)* // *Философия неравенства*, Москва: Институт русской цивилизации, 2012, 624 с.

Ж. Бодрийяр, *Прозрачность Зла*, Москва: Добросвет, 2000, 258 с.

Ж. Бодрийяр, *Соблазн*, Москва: Ad Marginem, 2000, 319 с.

Ж. Бодрийяр, *Фатальные стратегии*, Москва: Рипол-классик, 2017, 285 с.

А. И. Герцен, *Избранные философские произведения: в 2 т.*, Москва - Ленинград: Госполитиздат, Печ. двор, 1948. Т. 1: *Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. Из «Дневника» и др.*, 372 с.

Е. В. Головин, *Приближение к Снежной Королеве*, Москва: Арктогея-Центр 2003, 480 с.

С. Жижек, *Реальность виртуального* // *Видеолекция*. 2004. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aD11EKSAfQ4> (дата обращения: 10.10.2021).

В. Йегер, *Пайдейя. Воспитание античного грека: в 2 т.*, Москва: Греко-латинский кабинет

Ю. А. Шичалина, 1997. Т. 2, 334 с.

Ж. Кондорсэ, *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*, Москва: Гос. публичная ист. б-ка России, 2010, 230 с.

М. Ласки, *Утопия и революция* // *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*, Москва: Прогресс, 1991, 405 с.

А. Лефевр, *Производство пространства*, Москва: Strelka Press, 2015, 432 с.

К. Манхейм, *Идеология и утопия*, Москва: ИНИОН, 1992, 245 с.

А. Менгер, *Право на полный продукт труда*, Москва: Е. Д. Мягкова «Колокол», 1905, 221 с.

М. Мосс, *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*, Москва: КДУ, 2011, 416 с.

К. Оливекрона, *Право как факт*, «Российский ежегодник теории права» № 1, 2008, с. 669–752.

П. А. Плюто, *Исследование реальности социокультурного виртуального. Опыт анализа социокультурных иллюзий*, Москва: Прогресс-Традиция, 2014, 367 с.

- Ж. Рансьер, *На краю политического*, Москва: Праксис, 2006, 240 с.
- А. Свентоховский, *История утопии*, Москва: Типография В. М. Саблина, 1910, 426 с.
- П. Слотердаjk, *Сферы: в 3 т.*, Санкт-Петербург: Наука, 2010. Т. 3: Плуоральная сферология, 923 с.
- Э. Сиоран, *Искушение существованием*, Москва: Республика; Палимпсест, 2003, 431 с.
- Ю. Такер, *Ужас философии: в 3 т.*, Пермь: Гиле Пресс, 2019. Т. 3: *Щупальца длиннее ночи*, 216 с.
- К. Шмитт, *Политическая теология // Политическая теология*, пер. с нем., заключит. статья и сост. А. Филиппова, Москва: Канон-пресс-Ц, 2000, 336 с.

